

Перевод Юлии Пугаченковой

ДЕВУШКА С НИЖНЕГО ЭТАЖА

Стейси Ли

Young
Adult

М100

МИФ Проза

Стейси Ли

Девушка с нижнего этажа

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2019

УДК 82-311.6
ББК 84(7Coe)6-442

Ли С.

Девушка с нижнего этажа / С. Ли — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2019 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195267-1

Джо Куань привыкла жить в тени и никому не рассказывать о том, что домом ей служит тайный подвал под типографией. Днем она – горничная жестокой дочки одного из богачей Атланты, а по ночам – анонимный автор газетной колонки советов для благородных леди. Колонка Мисс Ягодки становится безумно популярной, но из-за слишком прогрессивных взглядов у Джо появляются враги. Когда они решают раскрыть истинную личность Мисс Ягодки, на кону оказывается не только тайна, но и вся ее жизнь. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.6
ББК 84(7Coe)6-442

ISBN 978-5-00-195267-1

© Ли С., 2019
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2019

Содержание

Один	6
Два	10
Три	15
Четыре	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Стейси Ли

Девушка с нижнего этажа

Original title:

The Downstairs Girl

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Copyright © 2019 by Stacey Lee

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2022

* * *

*Моим сестрам, Лоре Ли и Алиссе Ченг, и всем неудержимым
женщинам, которые держат мир на своих плечах*

Один

Быть душкой – все равно что оставить дверь нараспашку. Рано или поздно какой-нибудь празднующийся обязательно стащит твою лучшую шляпку. У меня только одна шляпка, да и та уродливей раздавленной вороны, и если кто-то украдет это посмешище, оно будет давить ему не только на голову, но и на совесть. И все-таки свои границы нужно отстаивать. Особенно если речь идет о чьей-либо ценности.

Сегодня я попрошу прибавку.

– Будешь так таращиться на мостовую – она начнет дергаться, – одаряет меня сверкающей улыбкой Робби Уизерс. С тех пор как странствующий дантист вырвал Робби гниющий зуб и предупредил, что можно лишиться и остальных зубов, если их не чистить, Робби берется за щетку дважды в день и ждет от меня того же.

– Люди недооценивают мостовую, а ведь благодаря ей дорога становится ровнее, – отвечаю я, глядя в смеющиеся карие глаза Робби – как и его кожа, по цвету они напоминают орлиные перья. – Нам стоит чаще выражать ей свою признательность.

Робби с важным видом вытягивает руку по направлению к земле.

– Мостовая, мы вам премного благодарны, хоть на вас и сыплются лепешки. – С этими словами Робби оттаскивает меня от кучи навоза. Когда я была совсем крошкой, меня выкармливала мать Робби, упокой, Господи, ее душу. Она-то и рассказала Старине Джину о тайном подвале типографии.

Над верхушками деревьев, высаженных вдоль Уайтхолл-стрит, «хребта» Атланты, высятся величавые кирпичные и солидные каменные здания, среди которых нет-нет да и встретится дом в викторианском стиле, не желающий уступать свое место. После того как четверть века назад войска Шермана спалили город, он, словно длиннохвойная сосна, стал расти еще быстрее и теперь процветает.

– Какой-то ты сегодня странный. – Я нарочито пристально оглядываю Робби от кепки до коричневых штанин. – Ничего не забыл? – Непривычно видеть Робби без телеги с мулом, на которой он развозит заказы из магазина Баксбаума.

– У нас нет продавца. Мистер Баксбаум позволил мне постоять за прилавком, пока не найдут кого-то другого. – Робби одергивает полосатый пиджак, который и так сидит на нем как влитой.

– Да ну!

Мистера Баксбаума обожают все, независимо от цвета кожи, но в наших краях должность продавца может получить только белый.

– Если я хорошо себя проявлю, то, быть может, это станет моей постоянной работой. – Робби натянуто улыбается.

– Невозможно чего-то добиться, сидя на одном месте. Ты создан для этой работы. Я сама все собираюсь попросить у миссис Инглиш прибавку.

Робби негромко присвистывает.

– Будь миссис Инглиш хоть немного разумна, она бы согласилась. Но, конечно, местные жители не отличаются здравомыслием.

Я киваю, чувствуя, как от возмущения кровь в моих жилах начинает течь быстрее. Два года я работала помощницей модистки за те же пятьдесят центов в день. Жалкие гроши. А на дворе уже 1890 год. Да и Старина Джин слишком похудел, и мне нужно купить ему лекарство – не какие-нибудь бесполезные пилюли или порошок из конского каштана, а что-то действенное. А за все действенное нужно платить.

Мимо проезжает новшество – электрический трамвай, и когда пассажиры замечают меня, на их лицах возникает недоумение разной степени. Восточная внешность в сочетании с запад-

ной одеждой всегда заставляет людей метаться между любопытством и порицанием. Обычно они останавливаются на порицании. Мне следовало бы брать с них плату за возможность поглазеть на меня. Конечно, пришлось бы делиться выручкой с Робби, не отрывающим глаз от тротуара: шестифутовый рост моего друга тоже привлекает всеобщее внимание.

Остановившись, Робби сплющивает кепку так, что на ней можно играть в шахматы.

– Мне пора. Удачи, Джо.

– Спасибо, но и тебе она тоже пригодится.

Подмигнув мне, Робби сворачивает в узкий переулок, ведущий к задней двери магазина Баксбаума. Старина Джин говорит, что с тех пор, как я родилась, все стало только хуже. Когда старый добрый президент Хейс возвратил Югу «местное самоуправление», демократы постановили, что отныне цветному населению полагается ходить по переулкам, а это многое говорит о происходящем.

Расправляя рукава красно-коричневого платья, которые потеряли форму и висят, словно пара опустошенных легких, я прохожу еще квартал и оказываюсь у шляпной мастерской миссис Инглиш. Она располагается между свечным магазином и лавкой семян, а значит, у дверей мастерской может пахнуть либо католической церковью, либо люцерной – смотря откуда дует ветер. Но сегодня воздух еще недостаточно нагрелся, чтобы пропитаться запахами. Окна магазина чисты, словно глаза Господа, – такими я их и оставила вчера вечером, выложив на витрину пару лиловых шляпок. Лиловый сейчас в ходу.

Минуя главный вход, я, как и Робби, плетусь к задней двери. Теперь людей не так заботит, в какую дверь входят китайцы, – не то что в послевоенные времена, когда на замену рабам с плантаций в страну привезли батраков. Наверное, мы для белых что-то вроде божьих коровок: если нас мало – ничего страшного, но если слетается целый рой, становится нехорошо.

У задней двери оставлены три коробки, и я подбираю их, прежде чем войти. Заметив, что Лиззи примеряет едва законченную «изящную» шляпку, над которой я так долго корпела, я останавливаюсь на полпути. Что Лиззи делает здесь в такую рань? Обычно она еле успевает к девяти часам, когда открывается магазин, а сейчас еще нет даже восьми с четвертью.

– Доброе утро. – Я ставлю коробки на рабочий стол, уже заваленный обрезками фетра. Еще не успела высохнуть краска на афишах, возвещающих благотворительные скачки, а у нас уже полно заказов. Во время Великого поста мода не должна играть такую важную роль, но ради главного события года Бог закроет на это глаза. Хозяйка наверняка снова попросит меня задержаться или поработать без обеда, а сама улизнет, чтобы пропустить рюмочку ликера из коки. Что ж, без прибавки я на это не согласна.

– Миссис Инглиш хочет с тобой поговорить, – хрипло произносит Лиззи. Она проводит рукой по пучку петушиных перьев, которые я накрепко приладила к элегантной шляпке. Пшеничные локоны Лиззи тут и там выбиваются из-под полей.

Я снимаю длинный плащ и черную шляпу, сделанную, вероятно, неуклюжими руками Лиззи, – она оказалась непригодной для продажи, и миссис Инглиш уступила ее мне по сниженной цене. Затем повязываю кружевной фартук.

Бархатная занавеска, отделяющая мастерскую от магазина, резко съезжает в сторону, и перед нами предстает миссис Инглиш.

– Вот ты где, – раздается ее надменный учительский голос.

Я смахиваю пыль со своего серо-коричневого рабочего чепчика.

– Доброе утро, мэм. Я кое-что придумала. Почему бы вместо этих шляпок от поганки нам не носить наши последние модели? Только посмотрите, как Лиззи идет моя изящная шляпка...

Миссис Инглиш хмурится.

– Надевайте чепцы. Обе.

– Да, мэм, – отвечаем мы с Лиззи в унисон. Я набрасываю чепец на голову. О прибавке нужно поговорить сейчас, *прежде* чем миссис Инглиш заставит меня задержаться вечером, –

тогда хозяйка не подумает, будто я так реагирую на то, что приходится перерабатывать. Я провожу ладонями по юбке.

– Миссис Инглиш...

– Джо, я больше не нуждаюсь в твоих услугах.

– Я... – До меня долетают ее слова, и я захлопываю рот. Больше не нуждается... Неужели я... Уволена...

– Мне нужна только одна помощница, и Лиззи отлично справится с этой работой.

Лиззи резко втягивает воздух. Ее обычно заспанные глаза распахиваются так, что в них может залететь мошкара.

– Лиззи, вскрывай-ка посылки. Кажется, в одной из них должна быть новая болванка для канотье, – произносит миссис Инглиш, сделав неопределенный жест рукой.

– Да, мэ. – Лиззи в поисках ножа с грохотом выдвигает ящики.

– Н-но... – Повернувшись к Лиззи спиной, я перехожу на шепот: – Миссис Инглиш, я научила ее всему. Фетровые шляпки получаются у меня вдвое быстрее, чем у нее, и я никогда не опаздываю, а еще вы говорили, что я хорошо подбираю цвета.

Я не могу потерять работу. После того как меня уволили в прошлый раз, я два года пыталась куда-нибудь устроиться надолго, а сущих грошей, которые Старина Джин зарабатывает в конюшне, нам вдвоем никак не хватит. Снова придется жить впроголодь, ощущая, что еще немного – и конец. Почувствовав, что к горлу подступают отчаянные рыдания, я принимаюсь глубоко дышать.

Нам хотя бы есть где жить. В нашем доме сухо, тепло, и с нас не требуют арендной платы – вот такое преимущество имеется у жизни в чужом подвале. А если тебе есть где жить, значит, тебе есть где строить планы и мечтать.

Миссис Инглиш вздыхает – делает она это довольно часто. Ее пышная грудь живет своей жизнью: иногда она величаво выпячивается, а иногда часто и взволнованно вздымается, например когда к нам заходит жена мэра. Сегодня корсет миссис Инглиш проходит испытание на прочность ее прерывистым дыханием. Она смотрит на меня снизу вверх прищуренными слезящимися глазами.

– Некоторым покупательницам при виде тебя становится неловко.

Каждый слог этого слова отвешивает мне пощечину – *не-лов-ко*, и по всему телу, от головы до пяток, словно расплавленный чугун, разливается обида. Но я же *хорошо* делаю свою работу. Жена адвоката назвала шелковые узлы, которые я завязала на ее шляпке, шедеврами. Чем же я так не угодила? Я всегда мою с мылом даже те места, которых не видно. Я собираю черные волосы в опрятную прическу и, благодаря Робби, каждый день чищу зубы порошком корня солодки. Я не лентяйка, как Лиззи, и не гордячка, как миссис Инглиш. Вообще говоря, в нашей троице я безобиднее всех.

– Потому что я... – Я подношу руку к щеке, гладкой и желтоватой, как азиатская степь.

– Я знаю, что ты не в силах этого изменить. Такая уж у тебя судьба. – Миссис Инглиш заглядывает мне в глаза – такие же круглые, как у нее, только сужающиеся к уголкам. – Но дело не только в этом. Ты... нахалка. – Она косится на мой чепец, и я начинаю жалеть, что назвала его шляпкой от поганки. – Ты не понимаешь, когда нужно оставить свое мнение при себе.

Миссис Инглиш откидывает голову, и кожа на ее шее собирается в складки.

– Женщины хотят слышать комплименты. А сообщать им о том, что у них болезненный вид, квадратная челюсть или широкое лицо, вовсе не обязательно.

Если бы я в какой-то шляпке становилась круглолицей, я бы предпочла узнать об этом до того, как куплю ее. Лиззи всегда высказывает свое мнение. Буквально на прошлой неделе она посоветовала даме с бугристой головой навсегда отказаться от шляпок. Тогда миссис Инглиш просто улыбнулась. Мне не терпится высказать свое мнение о мнении миссис Инглиш, но это только подтвердит ее правоту.

– Я всего лишь хотела помочь им принять верное решение. – Я изо всех сил стараюсь не выдать своего негодования, но у меня дрожит голос.

– Что ж, очевидно, что держать тебя здесь – решение неверное. Сегодня твой последний рабочий день. Не усложняй эту и без того непростую ситуацию. Я уверена, что ты без труда устроишься куда-нибудь горничной или еще кем-то в этом роде.

Горничной? Я делаю глубокий вдох. Теперь такая работа кажется недостойной, хоть я и не в том положении, чтобы привередничать.

– Но точно не помощницей в шляпной мастерской. – Миссис Инглиш вонзает булавку еще глубже. – Я уже поговорила со всеми модистками, и ни одна из них тебя не наймет.

Хотя все шестнадцать модисток, украшающих головы жительниц Атланты, соперничают между собой, они держатся друг за друга так же крепко, как и прилаживают к шляпкам ленты. Что-то с грохотом падает на пол, но извинения Лиззи, уронившей болванку для канотье, звучат откуда-то издалека. Меня занесли в черный список. Так заведено: когда прислужниц увольняют, их заносят в черный список, пусть даже они не сделали ничего, чтобы это заслужить, – только каждый день стирали руки до костей, приходили на работу ни свет ни заря, уходили за полночь, убирали за другими и терпеливо перешивали неудачные строчки. Я едва дышу.

– Н-но я...

– Не могу допустить, чтобы ты разболтала мои секреты.

Звякает дверной колокольчик, и миссис Инглиш спешит в ту часть мастерской, где располагается магазин.

Я вытираю рукавом полные слез глаза. А ведь когда-то я восхищалась добротой поверившей в меня миссис Инглиш.

Хозяйка мастерской заглядывает за занавеску со словами:

– Джо, тебя спрашивает одна дама.

Я проглатываю ком в горле.

– Меня?

Ко мне никто никогда не приходил. Да и для покупателей еще слишком рано.

– Вернее, она спрашивает «китайнку». Я сразу подумала о тебе. Поторапливайся.

Вытерев лицо, я слеую за миссис Инглиш. По другую сторону дубового прилавка стоит женщина в сером костюме с небольшим турнюрком и в белой блузе с высоким воротником. Из узких плеч вырастает тонкая шея, на скуластом лице выделяется острый подбородок. Рано поседевшие волосы собраны в узел.

Я вздыхаю. Это миссис Белл, моя соседка сверху. Все это время мы скрывались от издателя и его родни, но я подглядывала за ними в окна печатного цеха. Светло-серые глаза миссис Белл скользят по мне, и я почти слышу, как рушатся стены нашего подземного жилища. С улицы доносится щелканье кнута. Раздается рев мула, и остатки моих надежд улечиваются.

Два

Дорогая мисс Ягодка!

Полгода назад рядом с нами поселилась еврейская семья. Ведут они себя престранным образом: целуют свитки, прикрепленные к дверному косяку, сооружают во дворе шалаши и ночуют в них, распевают какую-то тарабарицину и машут ветками. У нас уже голова кругом. Как нам вернуться к спокойной жизни?

Ваши мистер и миссис Респект

Мистер и миссис Респект,

можно переехать.

Ваша мисс Ягодка

– Это миссис Белл. Ну что же ты стоишь? Скажи что-нибудь. – Миссис Инглиш ставит руки на пояс. Мне кажется, даже ее застывший выпирающий бюст смотрит на меня в упор. Неужели эта женщина пришла, чтобы сдать меня под арест? Если кто-то прознал, что у нее в подвале без ее ведома живут два китайца, нас ждет тюрьма или еще что похуже. В этой части света люди сплываются с той же быстротой и легкостью, с какой гроззовые облака затягивают небо.

– Как поживаете, мэм? – Я пытаюсь выдавить приветливую улыбку, чтобы не казаться слишком мрачной. Надо вести себя естественно. Если миссис Белл ищет китайку, живущую у нее в подвале, то она обозналась, нас таких сотни тысяч. Непослушными пальцами я выдергиваю из корзинки веер. – Погожий сегодня день.

Миссис Инглиш, бросив на меня испепеляющий взгляд, выхватывает веер у меня из рук.

– Э-э, да, – отвечает миссис Белл, хотя за окном пасмурно. Надо сказать, что теперь, глядя миссис Белл в глаза, я понимаю, что она скорее растеряна, чем рассержена: темные брови удивленно приподняты, рот чуть приоткрыт. Сняв простенькую сизую шляпку, миссис Белл кладет ее на прилавок. – Я в восторге от того, какими узлами украшена шляпка моей подружки. Она сказала, что это творение китайки из вашей мастерской.

Жена адвоката? Я немного успокаиваюсь. Быть может, о нашем пристанище по-прежнему никому не известно.

– Не могли бы вы сделать нечто подобное и для меня? – произносит миссис Белл, указывая на свою шляпку.

– Вообще-то у нее полно дел, – отвечает миссис Инглиш, откашлявшись. Ее взгляд падает на хорошо знакомую мне папку, лежащую у кассы. – У нас сегодня переучет.

Я сжимаю зубы. Обычно такой нудятиной мы занимаемся по пятницам, но миссис Инглиш рассчитывает, что в свой последний день я отработаю все до последнего цента. У Лиззи цифры никогда не сходятся.

– Но, – добавляет миссис Инглиш, – я сама с радостью вам помогу.

– Вы тоже умеете вязать китайские узлы? – слегка наклонив голову, спрашивает миссис Белл.

– Э-э, нет. – Хозяйка мастерской поджимает губы – так собираются края кошелька, если потянуть за веревочки. Миссис Инглиш мои узлы показались слишком вычурными, вот только она и слова не сказала, когда жена адвоката щедро оплатила работу.

– Я с удовольствием украсила бы вашу шляпку, – с опаской произношу я. Если миссис Белл пришла меня арестовать, то где же констебль? Возможно, я еще не отошла от новости об увольнении, но, судя по всему, эта женщина не намерена выкуривать меня из своего дома. Да и мысль о том, что Лиззи, вероятно, самой придется разбираться с переучетом, меня очень радует.

– Но ведь на это уйдет не один день, – возражает миссис Инглиш, многозначительно вскинув брови.

Миссис Белл складывает ладони вместе.

– О, не беспокойтесь. Пару дней я вполне могу обойтись без шляпки.

– Я справляюсь за день, – отвечаю я, храбро улыбаясь миссис Инглиш в надежде выжать хоть каплю жалости из ее каменного сердца.

Хозяйка мастерской обмахивается веером. Нас обволакивает аромат гардении.

– Я пойду вам навстречу, если заплатите наличными.

– Ах, у меня есть кое-что лучше наличных. – Миссис Белл теребит поля шляпки. Воспаленные суставы кисти растягивают ткань поношенных перчаток, из которых скоро начнут высовываться подушечки пальцев. В их семье с деньгами туго. Затаив дыхание, я гадаю, что же миссис Белл хочет нам предложить, и вместе с этим начинаю опасаться, что здесь все не так просто, как кажется. – Видите ли, мой муж – владелец газеты «Фокус». В обмен на услугу мы могли бы обеспечить вам месяц рекламы, а это равноценно трем долларам. Мне сказали, узел можно получить за полтора доллара. Ваша работа окупится вдвое.

– Только чтоб на первой полосе, – холодно бросает миссис Инглиш. – И чтобы никакой рекламы конкурентов.

Миссис Белл молчит, и хозяйка мастерской решает воспользоваться своим обаянием:

– Каждое наше изделие – уникальное произведение искусства. И в шляпках, что прошли через наши руки, лучше не ездить в Нью-Йорк, а не то ваш шедевр может оказаться в музее Метрополитен. – Миссис Инглиш, которой нет равных в подхалимстве, обмахивает посетительницу веером.

Не переставая приветливо улыбаться, миссис Белл принимается наматывать на палец нитку, свисающую с рукава.

– На таких условиях мы сможем рекламировать вас лишь в течение недели.

Торг продолжается, и миссис Белл время от времени поглядывает на меня. Опустив руки по швам, я пытаюсь принять непринужденный вид. Хозяйка мастерской, словно актриса, с легкостью меняет тон, а голос жены издателя остается твердым, как дубовый стол. Мне от этого становится спокойнее, хотя меня по-прежнему волнует истинная причина визита миссис Белл. Мне вспоминаются песни, под которые миссис Белл баюкала Нэйтана – он старше меня на два года – и под которые мне становилось веселей. Рассказы миссис Белл о детстве на родительской ферме невероятно увлекали меня, а ведь я бы никогда не подумала, что мне может быть интересно слушать про овец. И вот эта женщина стоит передо мной и даже не догадывается – по крайней мере, я на это надеюсь, – как много она значит для меня.

В магазин входят две девушки: на них платья моднейших пастельных оттенков и кружевные воротнички. Мисс Мелисса Ли Солтворт и мисс Линетт Калпеппер – я про себя называю их Соль и Перчинка – дочери «торгующих аристократов». Жителям Атланты не обязательно иметь громкую фамилию, чтобы обеспечить себе высокий статус, – не то что в Саванне или Чарлстоне, более старых городах. Здесь достичь высот можно с помощью одной лишь деловой жилки. Но, конечно, китайцам тут не поможет ни деловая, ни какая другая жилка.

– Доброе утро, мисс Солтворт, мисс Калпеппер. Как поживаете? – С этими словами миссис Инглиш поворачивается, чтобы позвать Лиззи.

Лиззи появляется из-за шторы.

– Ба! Доброе утро, миссис Белл! Как ваш Нэйтан? Что-то в последнее время он не привозит газеты в отцовский магазин.

– С ним все в порядке, Лиззи. Сейчас он очень занят написанием статей. Я передам ему от тебя привет.

Мордашка застывшей у прилавка Лиззи расплывается в мечтательной улыбке. Миссис Инглиш прочищает горло и многозначительно кивает в сторону Соли и Перчинки. Лиззи неспешно направляется к девушкам, как будто пол усеян лошадиными лепешками. Даже если бы в мастерской полыхал пожар, Лиззи и не подумала бы торопиться. Соль показывает на верхнюю полку, где выставлены лучшие модели, и Лиззи длинной палкой достает лиловую соломенную шляпку с вуалью. Ощущая полное бессилие, я прикусываю язык. Лиловый совершенно не подходит бледнолицей Соли.

– Две недели мы будем рекламировать только вашу мастерскую. Надеюсь, мы договорились, – произносит миссис Белл, особенно упирая на последние слова.

Миссис Инглиш кивает, глядя на меня ликующими глазами. Миссис Белл также окидывает меня взглядом. Я призываю на помощь все свое самообладание, чтобы жена издателя не сочла меня невежей.

– Вы хотели бы украсить шляпку для особого случая или планируете носить ее каждый день? – спрашиваю я, с трудом поворачивая язык.

– Мне хочется чего-то необычного, чего-то, что привлекает внимание. А шляпку я собираюсь надеть на скачки.

Соль, восхищенно рассматривающая соломенную шляпку в руках Лиззи, восклицает:

– О, как я жду дня скачек! Мы прибудем как можно раньше.

Перчинка так быстро вращает кружевной зонтик, словно под ее ногами оказался подземный ключ.

– Надеюсь, мистер К. скоро пришлет тебе приглашение.

Щеки Соли вспыхивают – точь-в-точь закатное солнце под белым облаком кудрей. Перчинка уверена, что мистер Квакенбак, сын финансиста, потерявшего состояние на долларах Конфедерации, «сохнет» по мисс Солтворт и желает просить ее руки. Имя Квакенбаков по-прежнему имеет некоторый вес, чего не скажешь о кошельках членов семейства, а мистер К. смазлив настолько, что может пробудить интерес в сердце даже самой привередливой красавицы. Будь я такой же богачкой, как Соль, охотник за наживой вроде мистера К. получил бы от меня лишь хорошую оплеуху. Да и Старина Джин говорит, что мистер К. уступает в красоте своей лошади редкой масти: пегая с белыми пятнами, но с черной гривой и черным же хвостом.

Миссис Белл поворачивается к девушкам:

– Дамам также предлагается приглашать кавалеров. Мы как раз печатали афиши.

– Да, но порядочная женщина на это не пойдет, – возражает миссис Инглиш.

Улыбка сходит с лица миссис Белл.

– Собранные деньги пойдут на нужды Общества улучшения положения женщин. Полагаю, в этом случае дама может себе позволить отправить приглашение мужчине.

Соль, к моему облегчению, возвращает лиловую шляпку Лиззи.

– Но это же такой дерзкий шаг! А если мужчина откажет? Я бы чувствовала себя униженной.

– Не откажет. – Перчинка заправляет выбившуюся черную прядь под бархатную шляпку, которую я доделала буквально на прошлой неделе.

– Было бы чудесно, – вздыхает Лиззи, так крепко сжимая лиловую шляпку, что мне кажется, будто я слышу стоны соломинок.

Я надеюсь, что миссис Инглиш отчитает Лиззи, но вместо этого хозяйка мастерской с улыбкой смотрит на кассу. Видимо, припоминает, сколько заказов мы получили благодаря скачкам. У меня в груди начинает расти крошечный пузырек надежды, будь она неладна.

Свои последние часы в мастерской я трачу на то, чтобы придумать, как украсить шляпку миссис Белл. Помнится, как-то летом, когда из-за скверной погоды нельзя было выходить из подвала, Везунчик Йип, один из моих дядюшек, научил меня искусству вязания узлов. Для этого нужен только шелковый шнурок и пальцы.

Спереди на простенькой фетровой шляпке миссис Белл выступает небольшой козырек, а сзади ее поля приподняты, чтобы помещалась прическа. Я решаю немного оживить эту унылую конструкцию и завязываю шнурок в форме розочек и анютиных глазок. Чтобы оттенить цветы листиками, я добавляю к украшению зеленые ленты.

В первый раз меня уволили, когда я полировала перила в роскошном особняке семейства Пэйн – Старина Джин работал там с тех пор, как двадцать лет назад впервые ступил на американскую землю. Там я выросла: сперва помогала в конюшне, иногда составляла избалованной дочери Пэйнов компанию в играх, а потом меня повысили до горничной. У меня на пальцах еще не высохла олифа, а миссис Пэйн уже вырвала у меня тряпку и указала на дверь: «Уходи».

Миссис Инглиш хотя бы объяснила, за что увольняет меня. Не то чтобы ее слова звучали убедительно, но это все же лучше, чем ничего.

Лиззи заходит за занавеску. Я слышу ее шумные вздохи у себя за спиной. Бабочка, которую я вывязываю, выскальзывает у меня из рук, и я смотрю на Лиззи мокрыми глазами.

– Ты что-то хотела?

– Уволить нужно было меня. Я не люблю эту работу так, как ты.

Я выдыхаю, жалея, что Лиззи почти не дает мне поводов для ненависти.

– Вот набьешь руку, и тогда тебе точно понравится.

Лиззи бросает взгляд на занавеску, за которой, судя по шуму, полно покупателей. Но вместо того чтобы выйти к ним, Лиззи валится на стул.

– Готова поспорить, что подготовка к скачкам пройдет как по маслу.

Скрестив пальцы, Лиззи задирает плечи.

Я невольно задумываюсь о том, что мир был бы намного лучше, если бы все могли делать то, что хочется. Мне нравится шить шляпы. И я не хочу быть прислугой избалованной южанки. Лиззи не нравится шить шляпы. Она сама хочет *быть* избалованной южанкой. А что до миссис Инглиш, ее жизнь была бы куда проще, если бы она оставила в мастерской меня и выгнала Лиззи. По крайней мере, я принесла бы ей неплохую выручку.

Еще пара витков, и моя бабочка готова: расправила крылышки и готова улететь. Когда мне остается сделать последние штрихи, возвращается миссис Белл.

– Такой красоты я и представить не могла, – произносит миссис Белл, поворачивая голову перед зеркалом. – И эту прелесть ты сделала так быстро!

Я еле сдерживаюсь, чтобы не взглянуть на реакцию миссис Инглиш, которая, стоя рядом со мной, заканчивает подсчеты в кассовой книге.

– Благодарю вас, мэ. Хорошо бы вам всегда добавлять в свой наряд что-то цветное, потому что...

Миссис Инглиш громко прочищает горло.

Я прикусываю язык, вспомнив, что такие высказывания и загубили мою карьеру.

– Ну... Потому что нам всем это к лицу.

Миссис Белл с улыбкой протягивает мне пять центов.

– Я... Я не могу это принять, – бормочу я. Время от времени мне дают на чай, но я и так слишком многим обязана миссис Белл, и мне неловко брать у нее деньги. Улыбка начинает сползать с лица миссис Белл, и я понимаю, что веду себя подозрительно. Мне приходится взять монетку. – Спасибо.

– Пусть Бог никогда не оставит тебя, – тихим голосом произносит миссис Белл.

Теперь мне снова начинает казаться, что ей известно про нас со Старинной Джинном. А что, если она таким образом дает мне понять, что ничего не имеет против нынешнего положения дел? Но к чему тогда *такие* слова? Или она думает, что мы никогда больше не увидимся? Вдруг она все же решила нас выгнать?

По лицу миссис Белл невозможно ничего прочитать. Она снова любуется украшенной шляпкой, глядя на себя в зеркало.

Три

Сунув мне в руку две пятидесятицентовые монеты, миссис Инглиш захлопывает ящик кассы.

Я сжимаю монетки натруженными пальцами.

– Спасибо. Мэм, может быть, вы измените свое решение? – Мне становится неловко от того, какое отчаяние звучит в моем голосе, но мне ведь казалось, что в шляпном деле меня ждет большое будущее. Шитье шляп – способ заявить о себе, не произнося ни слова. К тому же модистки могут обеспечивать себя сами, и им вовсе не обязательно выходить замуж. Примерной китайской жене полагается готовить, рожать сыновей и быть готовой «хлебнуть горя». А его в моей тарелке и так навалено с лихвой.

– Я буду работать вдвое прилежнее и постараюсь не высказывать свое мнение так часто, и...

– Джо, мне просто невыгодно держать тебя из экономических соображений.

Достав носовой платок, миссис Инглиш промакивает им влажную шею, а затем начинает обмахиваться им, словно пытается стереть мой образ из поля зрения. Мне вспоминается ужасное слово на букву У, которым сопровождалось мое первое увольнение. Но вместо «уходи» миссис Инглиш произносит:

– Удачи.

Тяжелым, словно ящик кирпичей, грузом у меня на сердце лежит разочарование. У меня дрожит подбородок, но я поплотнее надвигаю шляпку и спешу к станции Юнион, кирпичному зданию с полукруглой аркой. Чем быстрее я доберусь до дома, тем раньше смогу подслушать разговоры миссис Белл, чтобы понять, было ли ее появление в магазине случайностью или нет.

Строительство железной дороги, соединяющей Атланту с Чаттанугой, положило начало разделению нашего города на шесть округов. Если представить Атланту в виде пирога, мы живем ближе к его центру. Под наблюдением мужчины в форме шумная толпа повозок, телег и пешеходов пересекает железнодорожный переезд. Я прибавляю шаг, чтобы перейти, пока переезд не закроется. Какая-то женщина отворачивается, поднеся к лицу носовой платок, и я понимаю, что делает она это не потому, что боится вдохнуть копоть.

Ступив на пути, я чувствую покалывание в ступнях; мой взгляд устремляется туда, где живут янки¹. К северу от линии Мэйсона – Диксона даже собаки обучены хорошим манерам, а в Нью-Йорке все женщины такие модницы, что меняют шляпки по несколько раз на дню. Будь я хорошей модисткой, могла бы открыть свою мастерскую на Мэдисон-сквер.

– Хамка, – фыркаю я. На десять слов, вылетающих изо рта Лиззи, я едва могу произнести одно, и в такие дни я еще считаю себя очень разговорчивой. Китайцы не могут позволить себе хамство, особенно те из них, кто пытается вести скрытный образ жизни.

– Ой! – Перейдя через пути, я чуть не налетаю на старичка, примостившегося на деревянном ящике. Мужчина вздрагивает, и с его головы соскальзывает сложенная из газеты шапочка. – Простите. – Я поднимаю шапочку, но старичок и не думает взять ее у меня.

– Па, ты цел? – Шапочку из газеты у меня вырывает девушка с обожженным на солнце лицом.

Желтоватые глаза старика прилипли ко мне, словно две капли клея. Я замечаю открытые рюкзак, грязь под ногтями, и мне приходит на ум, что эти двое – бездомные. Придав шапочке прежнюю форму, девушка аккуратно водружает ее отцу на голову.

¹ Во время Гражданской войны в США южане обозначали этим словом жителей севера страны. После войны эта привычка сохранялась в их речи.

Вдруг в этой парочке я вижу нас со Стариной Джин: нам приходится просить милостыню, и у нас нет даже приличных шляп, чтобы защититься от солнца. *«Прошу, пусть до этого не дойдет»*, – взываю я разом к христианскому Богу и к духам предков. Сверху на меня равнодушно смотрит небо. Сегодня на нем нет ни закатных отблесков, ни вуали облаков – не то что вчера. Тонкая полоска пара напоминает высунутый язык. Мне ужасно хочется взмыть к небу и стереть эту дымку с его поверхности.

Словно самый обычный карманник, я несусь по переулкам, стараясь не занимать много места и не привлекать внимания. В пятидесяти ярдах от Уан-Лаки-стрит, где располагается типография и дом семьи Белл, есть небольшая роща. Убедившись, что меня никто не видит, я бегу в гущу зарослей, где под разлапистыми ветвями виргинских можжевельников таится люк. Я поднимаю его крышку, но петли не скрипят – мы следим, чтобы они всегда были смазаны. Крутая лестница ведет в один из двух туннелей, по которым можно попасть в подвал дома на Уан-Лаки-стрит.

Старина Джин, нахохлившись, словно птица, сидит у большой деревянной катушки, которую мы используем в качестве стола. Он вернулся домой раньше обычного. С подслушиванием придется повременить. Да и сейчас семейство Белл, наверное, ужинает на кухне, слышать их разговоры можно только тогда, когда они собираются в типографии.

– Добрый вечер, отец.

Темные штаны и рубашка, первоначальный цвет которых уже и не вспомнить, в последнее время висят на Старине Джине мешком. Он выводит ровные китайские иероглифы, которые мне предстоит переписать. С тех пор как дядюшки уехали, мы говорим по-английски, но Старина Джин хочет, чтобы я не забыла родной язык ради будущего мужа, которого он надеется мне найти.

Старина Джин приподнимает редкие брови. Хотя в подвале мы разговариваем едва слышно, он понимает, что я рассержена. Теперь мне становится вдвойне досадно, ведь я не могу рассказать о постигшей меня несправедливости подобающим тоном. Замочив рукава, я чересчур рьяно намываю руки и лицо водой из ведра. Затем, упираясь коленями в стол, сажусь на перевернутый цветочный горшок, который служит мне стулом.

Старина Джин выложил на тарелку ломтик ветчины, кусочек сыра, кунжутную булочку и поставил рядом мисочку с персиковым джемом. Ноэми – жена Робби и кухарка Пэйнов – всегда дает Старине Джину еды с собой. Мы едим только простые блюда, которые не источают подозрительных ароматов.

– Лучше побережь гнев до завтра, хм?

Я вздыхаю. Старина Джин знает, на какие клапаны нужно нажать, чтобы помочь мне выпустить пар.

– Миссис Инглиш уволила меня.

Пока я рассказываю, как было дело, Старина Джин прихлебывает горячий ячменный отвар, вставляя в паузы свое мелодичное хм, благодаря которому я говорю чуть медленнее и не так возмущенно. Это хм звучит так часто, что я уже не обращаю на него внимания. Наверное, Старина Джин приобрел эту привычку, проводя много времени с лошадьми. «Хм?» – его способ показать, что ему важно мнение кобыл и жеребцов.

– Теперь мне прямая дорога на хлопкопрядильные фабрики, – бормочу я. Туда берут всех, кто готов долгими часами сучить нитки и наматывать их на катушки. Но, конечно, на такой работе можно остаться без пальца или, того хуже, лишиться жизни, поэтому фабрики и называют «опасным производством».

Старина Джин, ужаснувшись, делает слишком резкий вдох и разражается приступом кашля, а я начинаю жалеть о сказанном. Мне кажется, что кто-то схватил Старину Джина за плечи и трясет его, пытаясь вытряхнуть из карманов мелочь. Думаю, во всем виновата сырость. Когда идут затяжные дожди, из угла Старины Джина доносится запах плесени.

Сделав два шага, я оказываюсь на «кухне» и беру чайник, стоящий на угольной печке. Дым из нее выходит в ту же трубу, что и дым из камина в типографии, поэтому мы топим только тогда, когда в камине горит огонь. На наше счастье, жена издателя, страдающая артритом, предпочитает тепло.

Я наливаю еще ячменного чая. Старина Джин кивает в знак благодарности; его вытянутое лицо покраснело и перекошилось. Седые волосы растрепались из-за судорог.

– Робби сказал, что какие-то из новых микстур хорошо помогают от кашля.

– Лучшая микстура – это время. – Старина Джин скользит взглядом по паре старых рабочих ботинок, стоящих у стены, – там мы прячем деньги. Мы всегда были бережливы, но в последнее время Старина Джин стал по-настоящему скуп. В прошлом месяце я потеряла чемоданчик – он провалился в дыру в кармане, – и Старина Джин не мог спать целую неделю. – Нужно копить на твое будущее.

– Наше будущее.

Старина Джин мне не родной отец, но я уже не представляю свою жизнь без него. Кем бы ни были мои родители, они наверняка знали, что Старина Джин – самый надежный холостой китаец во всей Атланте, и поэтому оставили меня с ним. В Китае Старина Джин был школьным учителем, поэтому передал мне все свои знания. Несколько дядюшек, которых Старина Джин пустил жить с нами, – батраки, копатели канав и бурильщики – по очереди присматривали за мной, но кормившей меня матери Робби платил именно Старина Джин. И он же остался со мной, когда остальные разъехались.

Старина Джин цедит чай, и его дыхание понемногу выравнивается.

– Да, на наше будущее. – Медленно вдохнув, Старина Джин отставляет чашку. – Как ты смотришь на то, чтобы снова устроиться к Пэйнам?

Я слишком громко фыркаю, но лицо Старины Джина остается невозмутимым.

– Ты серьезно?

Старина Джин кивает:

– Сможешь каждый день видеться с Ноэми.

– Это было бы чудесно, но...

– И сможешь кататься на Картофелине.

У меня в памяти всплывает образ нашей вороной кобылы. Старина Джин еле уговорил мистера Пэйна, чтобы тот не позволил старшему конюху Джеду Криксу застрелить Картофелину – еще жеребенка, – когда ее из-за хромоты отвергла мать. Мистер Пэйн сжалился, отдал Картофелину Старине Джину и даже разрешил ему за отдельную плату держать лошадь в поместье.

– Она уже совсем большая, – добавляет Старина Джин. – Очень умная, как и ты.

Если не брать в расчет чувство неловкости от возвращения туда, откуда тебя уволили, особняк Пэйнов – прекрасное место: его окружают великолепные пейзажи, там обильно кормят, да и хозяйка обычно очень добра, хоть и редко бывает дома. Конечно, Кэролайн, дочь миссис Пэйн, во многом отличается от матери, но ее отправили учиться в пансион.

Старина Джин вертит чашку, разглядывая ее содержимое.

Захочет ли миссис Пэйн снова меня нанять?

– Никто не станет класть в корзину тухлое яйцо, которое однажды уже выбросили.

Старина Джин переводит безмятежный взгляд на керосиновую лампу, висящую под потолком, и мне кажется, что он сперва додумывает какую-то свою мысль и только потом до его сознания долетают мои слова. Но через мгновение он произносит:

– Ты никогда не была тухлым яйцом.

Словно в подтверждение своих слов Старина Джин шумно принюхивается. Тут его тело снова начинает содрогаться, но он крепко сжимает челюсти, чтобы не выпустить кашель

наружу. Старина Джин поднимается со своего табурета и ставит его на место. Кивнув мне вместо пожеланий доброй ночи, Старина Джин бредет к своей «обители».

Я наскоро навожу порядок и ухожу в свой угол: он распложен под типографией и отгорожен занавеской, на которой Старина Джин вышил лошадей. Когда дядюшки уехали, Старина Джин предложил мне перебраться туда, где он живет сейчас, в тихий закуток под домом, но мне нравится мой угол, застеленный ковриком, который я сплела из старой фланели. К тому же мне совсем не хотелось расставаться с переговорной трубой, ведь только с ее помощью я могу подслушивать разговоры семейства Белл.

Натянув ночную рубашку и толстые носки, я тянусь через возвышение, которое служит мне кроватью. Я достаю шерстяной кляп из отверстия, расположенного над подушкой: когда оно закрыто, звук с нашего конца переговорной трубы не может донестись до ушей Беллов.

Из трубы вылетает легкий ветерок, колеблющий пламя керосиновой лампы, что стоит на деревянном ящике – он играет роль моей прикроватной тумбочки. До меня доносится эхо размеренных шагов мистера Белла. Точные математические расчеты мне неизвестны, но Старина Джин считает, что «слышимое» пространство расположено вокруг рабочего стола, а он находится почти над моим углом.

Беллы спорят. Я молюсь, чтобы их разговор не был связан с тем, что в подвале завелись крысы.

– Тысяча шестьсот подписчиков, а этот ни на что не годный «Трубач» уже преодолел отметку в три тысячи. Черт бы побрал эту тетушку Эдну с ее нелепой колонкой советов, – гремит голос издателя. – Это просто позор.

Голос мистера Белла имеет только два уровня звучности: громкий и очень громкий. Я представляю его пунцовое полное лицо с мешками под сверкающими гневом глазами.

Я задерживаю дыхание. Мне грустно слышать огорченный голос мистера Белла, но, по крайней мере, для нас со Стариной Джином еще не все кончено.

Тираж газеты «Фокус» сократился, когда недавно в нем появилась смелая статья Нэйтана. В ней он выступил против предложения разделить трамваи Атланты по расовому признаку. А тираж издания «Трубач», наоборот, взлетел до небес благодаря колонке советов. Овчарка Беллов по кличке Дера – это сокращение от Выдержка – звонко гавкает и принимается стучать хвостом. Дера не стали купировать хвост, как это происходит с большинством овчарок. Мне нравится думать, будто сам Бог, Великий Пастырь, повелел, чтобы хвост Деры остался нетронутым.

– Можно добавить больше картинок, – предлагает Нэйтан, произнося последнее слово как *катинок*. Хотя родители Нэйтана – выходцы из Новой Англии, сам он слегка растягивает слова, отчего из них порой выпадают звуки. Старина Джин говорит, что в моей речи тоже проскальзывает южный акцент. – У «Трубача» на страницу приходится по меньшей мере две штуки.

– Пустая трата места. Картинки нужны только детям.

В комнате наступает тишина. Даже хвост Деры становится неподвижным. Я почти чувствую, как у Нэйтана повышается температура, и стремлюсь к нему всем сердцем. Нэйтан – мой старинный друг, пусть даже он об этом не догадывается. У нас много общего: например, мы оба любим земляной орех (Нэйтан называет его арахисом), терпеть не можем репу и очень хотим быть услышанными.

Пол царапает какой-то деревянный предмет: наверное, Нэйтан опустил на один из стульев, стоящих у рабочего стола. Я представляю, что он, чтобы скрыть свое разочарование, начинает набрасывать политическую карикатуру, которая легко могла бы попасть в журнал «Шалун».

– Что с твоей статьей про гриб, поражающий гикори? – громогласно спрашивает мистер Белл. – Люди хотят знать, почему их деревья перестали расти.

– Жду, пока гриб поразит и меня, – бурчит Нэйтан. Если у меня когда-нибудь будет муж, надеюсь, он окажется таким же находчивым, как Нэйтан, только не таким ворчливым.

– А если тебе непременно нужна статья о паразитах, – продолжает Нэйтан, – позволь мне написать разоблачение Билли Ригтса. У «Конституции» кишка тонка, чтобы рассказать всю правду.

В статьях газеты «Конституция» Билли называли «дельцом», но Беллы считают, что он торгует грязными секретами. В прошлом году один молодой человек, который получил в наследство целое состояние, сколоченное на продаже бурбона, повесился, когда какой-то недоброжелатель растрезвонил, что богатый наследник предпочитает обществу дам мужскую компанию. Беллы заподозрили в покупке и продаже этой тайны Билли Ригтса.

Мистер Белл громко фыркает:

– Может, мне скоро придет конец, но я не хочу оказаться прикованным к позорному столбу!

– Да, да, – раздается мягкий голос миссис Белл. Я еще сильнее напрягаю слух. Иногда трудно понять, есть ли в комнате миссис Белл, ведь ходит она едва ли не тише, чем пищит комар. – А вот если ты пропустишь утренний поезд, скандала точно не миновать. Пора ложиться.

Весной мистер Белл постоянно ездит в Нью-Йорк на встречи со спонсорами «Фокуса». Сверху доносится негромкое ворчание, и вслед за ним – удаляющиеся шаги издателя.

Привычка подслушивать – признак дурного тона. Но я подслушиваю разговоры семейства Белл с тех пор, как у меня *есть* уши, так что не думаю, что теперь могу что-то с собой поделать. Их голоса так часто успокаивали меня одинокими вечерами и позволяли мне почувствовать, что я тоже часть их семьи. Аболиционисты, что построили этот дом, поступили очень предусмотрительно, замаскировав верхний конец переговорной трубки под вентиляцию. Но они и подумать не могли, что кто-то вроде меня будет использовать это приспособление, чтобы подслушивать. Кто мог предположить, что после отмены рабства в страну привезут китайцев, которые не только станут трудиться на плантациях, но и заново отстроят Юг.

По полу шелестит веник – это миссис Белл ведет еженощную борьбу с угольной сажей. Я представляю, как связка соломы исчезает под столом, перемещаясь к ножному печатному станку и наборной кассе. Слышится гавканье Деры, гонящейся за метлой.

– Давай лучше я.

– Мне *нравится* подметать. Пожалуйста, не перечь отцу. Если в Нью-Йорке ничего не выйдет, будет уже неважно, что ты напишешь.

– Что значит «если ничего не выйдет»?

Я задерживаю дыхание, сжав пальцами край фланелевой ночнушки.

– Многие из наших северных спонсоров отказались от идеи поддерживать местную газету. Если к апрелю мы не сможем снова набрать две тысячи подписчиков, все кончено.

– Но апрель настанет всего через месяц. Нам придется набирать по сотне подписчиков в неделю. Это невозможно.

– Кажется, пора перебираться к тетушке Сюзанне...

– Мы не какие-то там сеятели люцерны. Мне даже слово *люцерна* противно – настолько оно нелепо звучит. Спонсоры должны дать нам больше времени.

Я ковыряю дырку на носке. Мне никогда не приходило в голову, что Беллы могут куда-то переехать. Неужели миссис Белл потому и пришла к миссис Инглиш? Чтобы попрощаться со мной таким скрытным образом?

– Что такого есть у «Трубача», чего нет у нас? – спрашивает Нэйтан.

– Советы от тетушки Эдны, – с усмешкой отвечает миссис Белл и, судя по шуршанию веника, начинает мести еще энергичнее. – Что ж, может быть, мы обретем новых подписчиков на скачках.

Скачки – первое событие года, на котором девушки на выданье могут показать себя, и ни одна представительница высшего света этого шанса не упустит. Мы, низы общества, можем довольствоваться тем, что посмотрим на лошадей, вот только билет стоит целых два доллара.

– Что ты сказала?

Я прижимаюсь правым ухом к отверстию.

– Я сказала, что, быть может, мы обретем новых...

– Да нет же, до этого. Советы тетушки Эдны. Будь у нас колонка советов, мы могли бы расширить круг читателей. Что, скажем, интересно женщинам? Секреты стирки?

Я слышу негромкий недовольный возглас Нэйтана. Кажется, миссис Белл его ушипнула.

– Иногда ты такой же несообразительный, как твой отец. – Дера согласно гавкает. – Женщинам хватает советов по ведению хозяйства и от тетушки Эдны. Кто-то должен писать на более животрепещущие темы. Например, как заставить мужа прислушаться к тебе. Или что делать, если мясник пытается околпачить тебя, продав несвежее мясо.

Околпачить. Отличное слово, вот только я не уверена, что колпакам по нраву, когда их доброе имя связывают с надувательством. Добавлю это слово в колонку со словами на букву *О* – я вывожу их мелом на стене. Мистер Пэйн отдал Старине Джину словарь, в котором не хватает раздела с буквой *О*, поэтому я сохраняю такие слова здесь.

– Почему бы тебе не написать такую статью? – спрашивает Нэйтан.

– Мне все равно придется обсудить это с твоим отцом.

Нэйтан тяжело вздыхает:

– Тогда забудем об этом.

Наверху становится тихо, и я затыкаю переговорную трубку. Мы следим, чтобы отверстие не оставалось открытым, если нас нет рядом.

Если Беллам придется закрыть газету, они уедут, а ведь мы с ними почти сроднились. Старина Джин может даже решить, что настало время найти мне мужа с «мясистым носом» – считается, что такие люди притягивают богатство. Холостые китайцы так страдают без жен, что тратят сотни долларов, лишь бы привезти их из Китая. Многие из этих девушек младше меня, а ведь мне всего семнадцать. Меня ждет смотр носов и столько горя, сколько я только смогу выхлебать.

Четыре

Дорогая мисс Ягодка!

Я бесприданница, к тому же у меня столько волос над верхней губой, что можно подумать, будто там лежитдохлый хорек. Однако один джентльмен клянется мне в любви. Могу ли я ему верить?

Усатая невеста

Милая невеста!

Иногда любовь возникает будто бы из ниоткуда, и никакие волосы на лице не могут защитить вас от нее.

Ваша мисс Ягодка

Наутро я надеваю красно-коричневое платье и ботинки из козлиной кожи. Затем по западному туннелю я прохожу в сторону люка под кедрами, и мне в лицо ударяет запах сырой земли и дерева. Должно быть, аболиционистам пришлось нелегко, когда они прорывали и укрепляли все эти подземные ходы. Но, как говорит Старина Джин, у великих людей есть воля, а у никчемных – одни лишь желания.

Откинув крышку люка, я выбираюсь наружу.

Вокруг меня – раскидистые ветви виргинских можжевельников; деревья умеют хранить секреты так же хорошо, как и защищать от снега. На востоке за хвоей виднеется дом Беллов, на севере – постоянный двор, а на юге – содовый завод. Прежде чем выйти из рощицы, я убеждаюсь, что меня никто не видит. По рукам пробегают мурашки. Хорошенько осмотревшись, я не замечаю ни души.

Вдруг, пронзительно крикнув и напугав меня до смерти, с куста слетает ворона.

– Ах ты старая каргалка, – шепчу я, переводя дух. Как будто больше заняться нечем, кроме как пугать приличных девушек, прячущихся за деревьями. Уж лучше бы на месте вороны была летучая мышь: в Китае считается, что они приносят удачу. В этих краях летучие мыши выходят из зимней спячки позднее, чем обычно. Наверное, ждут, когда созреют персики.

Надвинув нелепую шляпку так, чтобы лица было почти не видно, я бреду к главному торговому району города. Будь у меня мать, она бы наверняка волновалась, зная, как свободно я хожу по улицам одна. На мое счастье, когда я была помладше, Старина Джин разрешал мне носить брюки, ведь в них намного удобнее работать в конюшне. А еще он позволил мне научиться основам самообороны у Молотка, еще одного дядюшки, которого я помню и который рос с шаолиньскими монахами. Чтобы полностью овладеть искусством Шаолиня, требуется много лет самоотверженного труда, но однажды, применив удар, которому меня научил Молоток, я чуть не сломала Везунчику Йипу лодыжку. Пусть сегодня мне повезет так же, как тогда ему.

К трем часам дня я предложила свои услуги в двух дюжинах разных мест. За это время у меня перед носом захлопнулось семнадцать дверей и одно окно; дважды я натыкалась на объявления о наборе «горничных», в обязанности которых входила совсем не уборка комнат; я подвернула ногу, когда какая-то старуха спустила на меня своего пса; а еще я почти устроилась в красильную мастерскую, но, увидев, что я хромаю, хозяйка тут же передумала меня нанимать. И все-таки я считаю, что мне повезло: на Везунчика Йипа тоже однажды спустили собаку, и та разодрала ему колено. Он был не слишком удачлив, несмотря на свое прозвище.

Уверенность, которую я ощущала утром, осыпается на тротуар.

Завидев вдалеке пьяную компанию, я сворачиваю на соседнюю узкую улицу, которую обычно обхожу стороной из-за запаха. Хотя в «переулке туш» мясная лавка соседствует с моргом, мне кажется, что весь смрад исходит из расположенного чуть дальше здания суда, где еще ни один китаец не выиграл ни единого дела. Один из осевших домишек содрогается и будто бы кашляет, выплевывая куски отслоившейся краски, всякий раз, когда какая-то женщина ударяет молотком по гвоздю, чтобы прибить вывеску к балке. *Свободная комната*. Перила у входной двери покрыты ржавчиной, в нескольких окнах напрочь отсутствуют стекла. Кто станет платить за жизнь в такой развалине?

Я прикусываю язык, чтобы не высказать свои истинные мысли вслух.

– Сколько берете за комнату? – спрашиваю я у женщины. Вообще китайцам запрещается владеть жильем или арендовать его – Старина Джин и его товарищи ютились в жалких лачугах еще до моего рождения, – но за хорошую цену люди могут закрыть глаза на это правило.

Обернувшись и увидев меня, женщина прищуривается.

– Для тебя слишком дорого. Разведешь тут вшей. Да и где ваша шайка – там курят черную смолу. – С этими словами женщина скрывается в доме, хлопнув дверью.

Глубоко вдохнув, я расслабляю пальцы со впившимися в ладонь ногтями. Все равно я не собираюсь здесь жить. Хуже может быть только на Коллинз-стрит, но Старина Джин не допустит, чтобы мы оказались в этих бандитских трущобах. Я ковыляю дальше, аккуратно, но быстро переставляя ноги.

Прилавки с едой у железнодорожного переезда облепили люди – слетелись, словно пчелы на мед. Когда на тротуаре становится слишком тесно, все небелые пешеходы перебираются на мостовую. Старина Джин всегда учил дядюшек уступать – река, огибая камни, выбирает самый быстрый путь, – но меня он никогда не заставлял ходить по мостовой.

Прислонившись к фонарному столбу, я вытягиваю ногу и принимаюсь дышать, сосредоточившись на подвернутой лодыжке. Молоток говорил, что мы можем перемещать энергию по телу, направляя дыхание в определенную точку. Аромат сарделек так и подбивает меня расстаться с десятицентовой монетой, которую я захватила на крайний случай. Я усиленно сопротивляюсь и отворачиваю голову к объявлению, висящему на ближайшем здании. То, что я прочла, наверняка взволновало бы девушек вроде Соли и Перчинки.

МИСТЕР И МИССИС УИНСТОН ПЭЙН

приглашают всех жителей Атланты на скачки, которые состоятся на ипподроме Пидмонт-парк. Участникам предстоит преодолеть расстояние в одну милю, а победитель получит **300 долларов**.

КОГДА: суббота, 22 марта

СТОИМОСТЬ: билеты по 2 доллара, все средства будут переданы Обществу улучшения положения женщин

СПОНСОРАМ: Заявки на оказание спонсорской помощи одному из двенадцати участников принимаются до 15 марта. Ждем ваших писем с пометкой «Скачки» по адресу: Пичтри-стрит, 420. Спонсор победителя получит год бесплатной рекламы в газете «Конституция».

ВАЖНО: Поддерживая Общество улучшения положения женщин, хотим напомнить, что дамы тоже могут приглашать кавалеров.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ: Пребывание на скачках в состоянии алкогольного опьянения строго запрещено.

Так странно, что, устраивая скачки, миссис Пэйн решила перевернуть все с ног на голову и предлагает дамам приглашать кавалеров. Я не считала ее человеком прогрессивных взглядов, хотя однажды она и наняла на работу китаянку. В особняке Пэйнов скоро начнутся хлопоты. Поэтому Старина Джин, наверное, думает, что работы хватит и для меня.

Лодыжка перестает пульсировать, и я продолжаю свой путь к переезду. У станции Юнион спинкой к спинке расставлены пары скамеек, чтобы пассажиры могли отдохнуть в ожидании поезда. Я замечаю комок бело-серого меха, и мои ноги останавливаются сами собой. Овчарка стучит хвостом по поношенным ботинкам хозяина, сидящего на ближайшей скамейке.

Ну и ну, это же Нэйтан Белл.

– Проходите, проходите! – размахивая флажками, выкрикивает мужчина, регулирующий движение.

Вместо того чтобы перейти через пути – их в общей сложности семь, – я прячусь за брошенной телегой со сломанным колесом и плотнее натягиваю шляпку. Нэйтан, конечно же, никогда меня не видел, и исправлять это я не собираюсь. Меня поражает такое совпадение – Нэйтан встретился мне на следующий день после того, как я виделась с его матерью, – хотя китайцы верят, что всё, даже совпадения, предreshено заранее.

Мне надо спешить. Вокруг снуют люди, переезд по-прежнему открыт. Но любопытство не дает мне сдвинуться с места. Я всегда ограничивалась лишь беглым взглядом в окна типографии. Мне кажется, что Нэйтан беззвучно выносит приговор остатку сигары, что лежит на дороге, но затем окурок сносит ветром, а взгляд Нэйтана остается прикован к той же точке. На самом деле он ловит каждое слово двух склонившихся друг к другу девушек, которые сидят за его спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.